

— Да что же это за красавица Цуй такая? — спросил еще один молодой цензор. — Ушла — и даже следа не оставила? В той библиотеке хоть пара ее прежних рукописей должна была остаться?

Лю Цзань ответил:

— Когда я прибыл в Цяньань, то и впрямь зашел в ту библиотеку...

От этих слов вокруг все стихло, все присутствующие замерли, затаив дыхание. Он обвел людей взглядом и едва заметно улыбнулся:

— Комнату красавицы Цуй уже полностью переоборудовали под читальный зал. В ней полно ученых мужей и школяров, и нет ни малейшего намека на белила и румяна — царит лишь дух строгости и книжного благоухания. На полках стоят главным образом каноны, исторические хроники, труды философов и литературные сборники, а также цветные оттиски самой красавицы Цуй.

Вокруг раздались разочарованные вздохи, однако кто-то заметил:

— Уж больно велик размах в уезде Цяньань! Неужели он не боится, что кто-нибудь возьмет книгу и не вернет?

— Разумеется, не боится. В той библиотеке все продумано до мелочей: всякому, кто желает читать, нужно зарегистрироваться и смотреть книги строго по документу.

Он извлек из рукава завернутую в полупрозрачную белую вощеную бумагу изящную читательскую карточку цвета облаков с выпуклым узором:

— Вот читательский билет, который я там оформил. На обороте записаны имя, звание, внешность и рост... Все описано так же подробно, как в экзаменационных листах на государственных испытаниях. Жаль только, пока нельзя брать книги через третьих лиц, а не то посылал бы слугу в Цяньань раз в месяц — и читал бы все их собрание книг прямо из дома.

Несколько коллег взяли карточку и стали передавать ее из рук в руки, разглядывая с восхищением и вздыхая:

— И почему в столице нет такой библиотеки? И как только в уезде Цяньань додумались до столь хитроумной затеи?

Лю Цзань горделиво приподнял бровь:

— Это придумал вовсе не начальник уезда Ци, а тот самый вундеркинд Цуй Се, пожертвовавший книжную лавку.

Инспектирующий цензор Ян Ин спросил:

— И впрямь вундеркинд? А каков он в сравнении с сюэши Ли и компилятором Чэном из Академии Ханьлинь? В последнее время его имя у всех на слуху, но я видел лишь его «Парные изречения из Четверокнижия». Написал ли он на родине хоть какие-то стоящие стихи?

Лю Цзань, припомнив об этом, с сокрушением махнул рукой:

— Этот Цуй Се — самый настоящий вундеркинд! Жаль только, что семья наняла ему подряд двух бестолковых педантов-наставников, которые так и не научили его слагать стихи и прозу,

из-за чего его дарование до сих пор оставалось в тени. Если бы семья смогла пригласить хорошего учителя или если бы его отец умел воспитывать сына, слава этого ребенка сегодня ничуть не уступала бы былым успехам компилятора Чэна и сюэши Ли!

Все окончательно запутались.

Вундеркинд, который с прошлого года издает сборники парных изречений... Говорят, гений, а ему уже шестнадцать, и он до сих пор не умеет писать стихи... Так в чем же его гениальность? Книжников, считающих по десять строк разом и запоминающих все с одного прочтения, пруд пруди. Да среди одних только сотрудников Цензорату восемь-девять из десяти могут запомнить текст после двух прочтений. Одно лишь это едва ли можно назвать великим чудом.

Лю Цзань между тем лишь напустил на себя таинственности. Со вздохом покачав головой, он произнес:

— Сперва я должен отчитаться перед главой Цензорату о выполнении повеления, а как освободится минутка, по памяти запишу работы этого гения с уездного и управарского экзаменов, чтобы вы, уважаемые коллеги, смогли оценить их по достоинству...

Важно пошагивая, он пробрался сквозь толпу, оставив цензоров смотреть ему вслед, и отворил двери кабинета правого старшего цензора Ли Юя.

Ли Юю уже доложили о его приходе, поэтому он отложил делопроизводственные бумаги, предназначавшиеся для Министерства чинов, и ждал его. Едва тот вошел, Ли Юй поднял голову и с улыбкой спросил:

— Шангуй, как справился с поручением в этой поездке?

Лю Цзань с улыбкой ответил:

— Подчиненный вместе с цянху Се отправился в уезд Цяньань и Юнпинскую управу, где мы взяли показания у соответствующих свидетелей, коих вполне достаточно, чтобы доказать невиновность начальника уезда Ци. Та книжная лавка была добровольно пожертвована сыном Цуй Цюэ, дабы ученую братию уезда обеспечить книгами, и начальник уезда Ци вовсе не утаивал его первенства в этой заслуге. Они прекрасно ладят, и нет ни малейших признаков принуждения или подкупа. По дороге подчиненный сформировал дело, прошу главу Цензорату ознакомиться.

Он извлек из рукава пухлую стопку показаний и подготовленный доклад, положив их на стол Ли Юя.

Ли Юй пролистывал показания, время от времени расспрашивая Лю Цзаня об обстоятельствах допроса. Убедившись, что все сходится без малейших неувязок, он поставил подпись и печать, готовясь представить документ императору. Лю Цзань поклонился и уже собирался удалиться, как Ли Юй внезапно окликнул его:

— Ты сейчас снаружи говорил о юном гении из Цяньаня. Неужели, кроме своих «Парных изречений из Четверокнижия», он и впрямь обладает настоящими знаниями? Передал ли он тебе какие-нибудь свои стихи или прозу?

Ведь господин Чжан из Министерства обороны ставил его в пример как образец приверженности учению, товарищ министра чинов Гэн после общей аттестации тоже упоминал о нем, и даже цензоры из их собственного ведомства, съездив в Цяньань, вернулись с

непрестанными похвалами этому «вундеркинду». Неужто этот скрытый гений — не выдумка семьи Цуй ради снискания славы, а парень и впрямь талантлив?

Лю Цзань искренне произнес:

— Этот Цуй Се действительно наделен глубоким талантом. Он серьезно учится чуть больше года, а от его сочинений даже я не мог оторваться. Если бы с самого детства его наставлял выдающийся учитель и он проучился бы несколько лет как следует, его проза, пожалуй, не уступала бы работам Ван Ао!

А ведь Ван Ао еще в шестнадцать лет писал статьи, которые ученики Гоцзыцзяни передавали из рук в руки и зачитывали до дыр; он занял первое место на сянши и столичном экзамене по всей Поднебесной и едва не получил три высшие награды подряд. Чжуанюань того года, Се Цянь, даже подвергся насмешкам: дескать, «в изящности слога уступает Ван Ао, а красотой превосходит Се Цяня».

Лю Цзань с глубоким удовлетворением добавил:

— К тому же Цуй Се и лицом весьма пригож. Если он поступит в Гоцзыцзянь, проучится несколько лет и лишь затем пойдет на экзамены, ему точно не придется сожалеть о том, что он «красотой уступает кому-то».

Ли Юй покачал головой и пожурил его:

— Академик Ханьлинь Се — человек, в равной мере наделенный и талантом, и добродетелью. Гоже ли так колко издеваться?

Лю Цзань склонил голову, признавая ошибку, и продолжил:

— Цяньху Се из Цзиньивэя заявил, что намеревается разыскать тех, кто подбросил цензорам донос через ворота и возвел клевету на начальника уезда Ци. Он также добавил, что собирается навести порядок в столице, дабы впредь никто не смел прибегать к подобным уловкам, манипулируя цензорами для нападков на политических противников и разжигания междоусобиц во вред честному имени ревностных обличителей. Опасаюсь, что в дома коллег, подавших в тот день докладные, наведаются люди из Цзиньивэя для сбора улик. Надеюсь, господин предостережет их заранее, чтобы они в неведении не поддались панике.

«...Еще пару лет назад Цзиньивэй служили прислужниками Восточной и Западной оград, помогая евнухам губить придворных сановников, а нынче вдруг решили примкнуть к честной братии и защищать репутацию обличителей?»

Ли Юй почувал, что Цзиньивэй замышляют под этим предлогом убрать неугодных цензоров, и поспешно поднялся с места:

— Позовите их сюда, у меня есть к ним поручение.

Он не только призвал тех нескольких цензоров, дабы расспросить о внешности и личности подбросившего донос, но и воспользовался случаем сдачи отчетов, чтобы приложить к докладу собственную челобитную в их защиту, надеясь уберечь их от новой волны сфабрикованных дел.

Однако вскоре после того, как его докладная была подана, в дворец поступил доклад из Цзиньивэя, который лег прямо поверх его челобитной.

Дело в том, что в прошлом году Ван Чжи был сослан в Нанкин, в Управление императорских конюшен, а в начале этого года Шан Мина отправили в штрафные войска евнухов. Главные верховоды Восточной и Западной оград пали, а евнух Гао, отличившийся поднесением картин, был пожалован дописменным евнухом Управления дворцового церемониала и стал прислуживать перед государем. Помня о заслуге Се Ина, поднесшего те картины, он, едва увидав поступивший от него доклад, сам переложил его на самое видное место и обратил на него внимание Сына Неба Чэнхуа.

Сын Неба увидел в том докладе преисполненную верности и заботы о благе государства позицию, а намерения навести порядок касались давних пороков среди цензоров. Поэтому он начертал короткую резолюцию: «Исполнить», позволив Цзиньвэю провести тщательное расследование, дабы сие послужило назидательным примером для потомков.

Подав свою челобитную и услышав, что император повелел Цзиньвэю досконально расследовать дело о клеветниках, Ли Юй проникся глубокой тревогой и приготовился спасать упомянутых цензоров.

Кто бы мог подумать: пока все честные сановники при дворе пребывали в страхе, а те несколько цензоров даже успели заказать себе гробы, стражники из Цзиньвэя так и не пришли к ним в дома с обысками. Они лишь опросили привратников и соседей по кварталу, не замечал ли кто подозрительных незнакомцев в день, когда был подброшен донос.

С каких пор Цзиньвэй стали столь кроткими? Неужели Вань Си и Вань Да, двое будущих императорских родственников, видя, как подрастает наследный принц, научились придерживать крылья? Или же из-за того, что главари Восточной и Западной оград с позором пали один за другим, эти стражники Цзиньвэя не смеют вести себя чересчур дерзко?

Или же стражник Цзиньвэя, ведающий этим делом, оказался редким честным человеком среди тайных служб?

Расследование продвигалось в полном молчании: цензоры не подавали челобитных, Цзиньвэй не устраивали обысков с конфискацией. Се Ин лично руководил всеми розыскными мероприятиями и допросами, перевернув столицу вверх дном. Вся столица пестрела всадниками в красном, но они почти не тревожили простой люд, словно этого дела с самого начала не существовало.

И вот, когда Ли Юй уже почти забыл об этом происшествии и со спокойной душой исполнял обязанности экзаменатора по проверке работ на столичном экзамене, Цзиньвэй внезапно подали доклад: расследование завершено! Одному из столичных мошенников, подбросивших клеветнический донос, уже надели кандалы, а остальных, бежавших из столицы, Цзиньвэй разыскали и везут обратно. От находящегося под стражей уже получены показания, и зачинщиком оказался человек, не имеющий абсолютно никакого отношения к начальнику уезда Ци...

Им оказалась жена Цуй Цюэ, главенствовавшего в отделе Юньнань Министерства финансов — дочь ушедшего в отставку регистратора Приказа императорских жертвоприношений Сюй Пан, госпожа Сюй, обладательница титула ижэнь пятого ранга.